

А. А. Романов (Томск, Россия), Е. В. Малышева (Тверь, Россия)

СУГГЕСТИВНАЯ ОСНОВА ТАКТИЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Использование суггестивного механизма общения – достаточно активный и широко практикуемый процесс в обыденной коммуникации, в котором эмотивная компетенция говорящего субъекта как когнитивного агента выступает как один из основных параметров, определяющих прагматику его коммуникативного поведения в условиях дискомфортного использования эмотивных вербальных и тактильных стимулов.

Ключевые слова: коммуникация, диалог, суггестия, речевое поведение, невербальное общение

ALEXEY A. ROMANOV (TOMSK, RUSSIA), EKATERINA V. MALYSHEVA (TVER, RUSSIA). SUGGESTIVE BASE OF TACTILE COMMUNICATION. The suggestive mechanism of communication is an active and widely practiced process in everyday communication. The speaker's emotive competence is one of the key parameters that determines pragmatic properties of the speaker's communicative behavior in the situation of uncomfortable use of emotive verbal and tactile stimuli.

Keywords: communication, dialogue, suggestion, verbal behavior, nonverbal communication

Состояние современной коммуникативной лингвистики характеризуется наличием различных аспектов исследования. С одной стороны, существует потребность изучить разнообразие коммуникативных форм комплексного (речевого и неречевого) поведения участников диалогической коммуникации и различных видов отношений, сложившиеся между коммуникантами в процессе реализации в социуме специфики норм и правил «регулятивной деятельности» коммуникативного обмена (Романов 1988: 25). С другой стороны, появляется необходимость исследовать не только языковую манифестацию процесса коммуникации, функции и прагматическую (иллокутивно-интенциональную) направленность её форм (конструкций), маркированных определёнными семиотическими «показателями коммуникативно-регулятивного процесса» (Романов 1988: 54), но и выявить содержательно-функциональную специфику разновидностей (различных типов) авербального (неречевого, невербального, кинестетического) об-

щения, вплетённых в ходе коммуникативного обмена в «системный архив», по М. Фуко, речевых практик, как в общем контексте исследования коммуникации, так и в её отдельном проявлении с позиций комплексного подхода к коммуникативным (вербальным и авербальным) действиям.

Обозначенные подходы к анализу названных проблем делают изучение различных аспектов современной коммуникации, как в целом, так и в частности, одной из сложных проблем исследования коммуникативной интеракции в современном социальном обществе. В этом ряду особую значимость приобретают исследования таких единиц коммуникативного взаимодействия, которые способны отражать комплексный характер семиотического (знакового) ряда как языкового, так и неязыкового порядка в диалогической интеракции и которые вплетены друг в друга в процессе реализации определенных коммуникативных целей, намерений и замыслов, то есть, в процессе регулятивной – как диалогаорганизующей, диалогонаправляющей и диалогакоординирующей деятельности участников коммуникативного обмена. К числу названных коммуникативных единиц относятся комплексные единицы жестовых, кинестетических, проксемических и речевых действий, одновременно включённых в контекст типового коммуникативного пространства диалогической интеракции и образующих вербально-авербальные комплексы.

В этом плане изучение регулятивной специфики таких единиц как прикосновения, включённые в систему диалогического интерактивного общения лицом-к-лицу, представляет значительный интерес для теории речевой и регулятивной деятельности и может занять определённое место в ряду современных исследований по невербальной коммуникации и лингвосемиотике, которые дают возможность выявить некоторые особенности взаимоотношений языка (как вербального компонента общения) и тактильного поведения (как невербального компонента общения) в рамках прагматического контекста диалогической интеракции (см.: Малышева 2012; Романов 2011).

При этом нужно иметь в виду, что процесс взаимодействия тактильных и вербальных единиц в диалогической интеракции протекает под воздействием не только внутренних (психоэмоциональных) факторов, отражающих в себе особенности развития и формирования телесных признаков корпоральности и специфи-

ку акта хабиитуализации в значении «усвоения и привыкания к чему-то, превращения этого чего-то в составную часть своего облика» (Бурдые 1995), но и внешних (социальных), сформированных под воздействием лингвоэкологической среды коммуникативного пространства говорящей личности в структуре эмотивного семиозиса социальной коммуникации. Поэтому и процесс социализации человека как структурной единицы общества происходит под влиянием определенных эмоций (различного уровня и порядка) и формируется в прямой зависимости от выбора семиотических знаков для репрезентации себя в современном социуме, отражает состояние говорящего с точки зрения психического восприятия объектов окружающей действительности и влечёт за собой как изменение самого индивидуума, так и его языка, выступающего как способ и средство взаимодействия с партнером по диалогу.

В этой связи становится очевидным, что любое коммуникативное взаимодействие может осуществляться как минимум в трёх ипостасях (моделях, сферах), где процесс коммуникативной интеракции как целенаправленной связи может в имплицитном виде (без осознания) опираться на понимание коммуникации как (а) некоторого энергоинформационного обмена, как (б) бессознательного проецирования и как (в) внутриличностного процесса. При этом каждая из указанных сфер будет описывать «как бы “сценарий” того ближайшего общения, в процессе которого оно родилось» (Волошинов 1993: 78-79; 2010). В частности, квантоворелятивистская модель сферы взаимодействия (б) описывает коммуникативный процесс, направленный на установление «порядка через флуктуацию», в котором мир представляет собой голограмму, паттерн, имплицитный порядок (Петренко 2012: 91-92).

В свою очередь, коммуникативный процесс модели сферы (в) трактует уже категорию материи как «стоячую волну по отношению к физическому телу человека», так как его сознание характеризуется полевыми качествами, а именно – «неразрывностью» и «нелокальностью» (Капра 2003).

Примечательно, что сам коммуникативный обмен описывается преимущественно в рамках «дискретного» диалогаорганизующего начала, то есть, как речевая форма естественного взаимодействия. Однако в качестве основного коммуникативного механизма сферы энергоинформационного обмена, то есть, сферы (а), выступает «психическое заражение», в терминологии Б. Д. Парыгина (ср.

сходные термины «психический вирус» у Р. Броди и «категориальный или программный регулятив» у А. А. Романова (1988), которое, однако, не получило ещё развернутой интерпретации.

Примечательно, что для более глубокого понимания друг друга, например, психотипами участников коммуникативной интеракции важно не замыкаться на какой-то одной из обозначенных сфер или какой-то одной из конкретных моделей коммуникативного взаимодействия, а опираться на комплексный характер всего модельного ряда. В частности, возможно использование модели энергоинформационного подхода, одним из положений которого является представление о том, что процесс понимания партнерами по коммуникативному взаимодействию обусловлен имплицитной настройкой энергетических контуров или степенью соответствия открытости энергетических центров общающихся людей (ср.: Менегетти 2002: 108-118). Важно при этом иметь в виду, что если у партнеров по коммуникативной интеракции обнаруживается такое соответствие, то они понимают не только то, что сообщается, то есть, пропозициональную составляющую высказанного (выражения, высказывания, комплексного коммуникативного акта, дискурсивной практики), но они также осознают их интенциональную и иллокутивную направленность, то есть, «для чего» и «зачем» («с какой целью» и «каким образом») используются данные языковые конструкции с учётом выражения формальных показателей речевых актов с различной иллокутивной функцией, маркируя их соответствующими показателями различного порядка (Романов 1988; 2009; Романова 2010; Малышева 2012), например: *Ну, бывайте здоровы, мои дорогие. – Давыдов обеими руками обнял сунувшуюся к нему Варю и её мать, решительно повернулся и пошёл к двери* (Шолохов).

Комплексный характер взаимодействия модельного пространства коммуникативной интеракции (а – б – в) опирается на особый механизм общения, «не требующий членораздельной речи» и основанный на «общении жестами, мимикой, нечленораздельными звуками и т. п.», (Косилова 2012: 16; см. также: Поршневу 1968; 1974; Романов 1998; 1999аб), то есть, *на суггестивный механизм «трансфера», «переноса»,* восходящий, по определению Л. Шертока, «к отношениям, гораздо более архаическим», строго «дуальным», «допредметным», уходящим корнями в животный мир, состояние, в котором коммуникация осуществляется на чи-

сто аффективном уровне, ещё не связанном с образным содержанием (см.: Тен 2011: 210). Определение «допредметные отношения» здесь надо понимать не в смысле вещизма, а в смысле «додеятельностные отношения», имея в виду, конечно же, «предметный характер человеческой деятельности» (Тен 2011: 211), когда, находясь под определенным воздействием, человек «как бы отступает к более примитивным формам коммуникации, к чисто «аффективному регистру», соответствующему функциям наиболее архаических структур нервной системы, палеокортекса (Тен 2011: 211; см. также: Романов 1998; 1999а; Улыбина 2001; Traindl 2007). Л. Шерток далее отмечает: «Речь, стало быть, идет о врожденной **исходной потенциальной способности к установлению отношений**, составляющей некую как бы **незаполненную матрицу**, в которую в ходе дальнейшего развития будут вписываться все последующие системы отношений» (цит. по: Тен 2011: 211; ср. схожую систему установления отношений между собеседниками в ситуации композитной перформативной коммуникации в Романова 2010).

Было бы справедливым, по мнению Е. В. Косиловой, «расширить понятие суггестии» (суггестивного общения) и включить в объём этого понятия «невербальное общение близких людей, например, влюблённых (конечно, не во всех случаях), супругов с большим стажем, и особенно – матери и младенца» (Косилова 2012: 17), то есть, общение таких участников коммуникации, «кодекс доверия» (Романов 1988: 14, 55-68) которых по отношению друг к другу уже установлен и не подлежит изменению, ибо эффект «понимать друг друга с полуслова» или вообще без слов (ср. диалог без слов Левина и Кити в романе Л. Н. Толстого) – «это типичный эффект действующих суггестивных механизмов». Поэтому «было бы большой ошибкой», считает Е. В. Косилова, «рассматривать суггестию как нечто насильственное, как какой-то недобровольный гипноз» (Косилова 2012: 17).

Суггестивная природа такого понимания тактильной коммуникации, основанного на абсолютном (то есть, общепринятом, установленном коллективом) доверии коммуникантов, раскрывает вербальное или авербальное воздействие и взаимодействие, которое воспринимается ими – большей частью латентно – без критической оценки (Романов 1998: 22) в пределах «незаполненной матрицы» действий-отношений между участниками тактильной коммуникации. При этом форма суггестивного раздражителя

(словесного или тактильного) дипластична: она «определяет», что незачем внушать человеку то действие или представление, которое способно породить его собственные ощущения и импульсы. Мало того, чтобы временно парализовать эти ощущения и импульсы, внушающий фактор должен лежать вне норм и механизмов конкретной сигнальной системы, и не входить в сферу действий механизмов второй сигнальной системы, «рождённой как система принуждения между индивидам: чего не делать, а что делать» (Поршнев 1974: 450-451; Романов 1998: 22; 1999б: 36-45). Дипластичность формы суггестивного раздражителя является, по Б. Ф. Поршневу, выражением исходных для человека социальных отношений «МЫ–ОНИ». Более того, отмечается, что у истоков второй сигнальной системы лежит не обмен информацией, не сообщение чего-либо от одного человека к другому, а особый род влияния одного индивида на действия другого, именуемого особой формой общения, которая осуществляется ещё до прибавки к нему функции общения (Романов 1998: 22-26), то есть, ещё только на уровне «диалогии», по Ф. Пелицци (1996), как уровне конструирования дистанции между тактильными интерактантами.

В этой связи любопытно привести точку зрения Никласа Лумана на природу коммуникации, которую он рассматривает как «синтез трёх селекций», состоящий из «информации, сообщения и понимания». Каждый из этих трёх компонентов, пишет Н. Луман, «сам по себе является случайностным происшествием (*kontingentes Vorkommnis*)». Так, информация – это дифференция, изменяющая состояние системы, то есть, производящая другую дифференцию. Автор отмечает, что воздействие информации проявляется в сообщении. Поэтому функция коммуникации заключается в «разгрузке и расширении когнитивных способностей живого существа», в «переносе» (*transfer*) информации с одного живого существа на другое или же – с одной системы сознания на другую» (Луман 2005: 4-11).

Говоря о суггестивной природе коммуникации и её роли как базового первоэлемента (на уровне первичной ступени) в выстраивании отношений между её участниками, нельзя не отметить ряд её особенностей, а именно: а) суггестивное общение сочетается с типом мышления, который также может быть назван суггестивным (Косилова 2012: 16; см. также: Поршнев 1968; 1974), б) суггестивное общение помимо иерархических взаимоотношений (суг-

гестор-суггестант) допускает также и товарищеское общение на равных (Романов 1999а; см. также: Поршневу 1968; 1974; Романов 1998; 1999б), в) вместе с непосредственной суггестией (директивностью, повелением) действует и интердикция или запрещение, по Б. Ф. Поршневу (Поршневу 1968; 1974), д) суггестивное общение обладает важнейшим свойством «интериоризации», понимаемой как «усвоение некоторого материала», включающего в себя «цели деятельности, программы и алгоритмы, а также ценности, представления о морали» без знания о том, что «источник этого материала был внешний» (Косилова 2012: 16; см. также: Поршневу 1968; 1974; Романов 1999а), е) удерживание суггестии «в себе», присваивая себе общие цели и рассматривая их в качестве своих (Косилова 2012: 17) и проявляя тем самым свойство синергии - «сорботничество», «сотворчество», что позволяет автономно протекать деятельности без непосредственного принуждения; в результате: автономность деятельности и интериоризация суггестии образуют «две стороны одного явления» (там же). К особенностям суггестивного общения следует также отнести и то, что «суггестивные механизмы действуют обычно быстро, они удобны и пользуемся мы ими совершенно добровольно» (Косилова 2012.: 17; ср. также: Поршневу 1968; 1974; Романов 1998; 1999аб). К этому нужно добавить, что особенностью суггестивного мышления при суггестивном общении является свойство индивида «не отрывать себя от коллектива», когда частные цели коллектива, связанные с индивидом, становятся личными целями индивида, а другие индивиды рассматриваются как «средства для достижения своих целей» (Косилова 2012: 17). Кроме того, на данном этапе наблюдается доминирование коллективного мышления, интенсивность которого выше всего у «лидера в общении или ведущего» (Романов 1988).

Как отмечают исследователи в области коммуникативного взаимодействия, «для современных людей суггестивный тип взаимодействия является достаточно обычным» (Косилова 2012: 17; о суггестивной модели общения см. подробнее: Романов 2001: 41-45, а также: Романов 1998; 1999б), поскольку каждый человек обладает опытом интериоризации коллективной деятельности. Использование суггестивного механизма общения – а это касается как активной суггестии, так и её рецепции – достаточно активный и широко практикуемый процесс в обыденной коммуникации: «нам одинаково удобно и быстро передать своё желание, и когда мы

можем это сделать жестом, мы предпочитаем жест слову, и понять желание другого, и мы, соответственно, предпочитаем понимание жестов пониманию слов. Наоборот, общение, в котором совершенно отсутствуют элементы суггестии, обычно кажется нам затруднительным, иногда до такой степени, что мы домысливаем эти отсутствующие механизмы» (Косилова 2012.: 17; см. также: Малышева 2012; Романов 2011; 1999а).

В комплексном проявлении суггестивного механизма общения следует обратить внимание на особую роль механизма энергетического резонанса, который создаёт условия для более эффективной информационной передачи в коммуникативном обмене и, в свою очередь, будет определяться соответствием уровня открытости энергетических центров каждого из коммуникантов, а также отражать формальное и искреннее отношение между собеседниками, формировать их уровень или «кодекс доверия» (Романов 1988), тем самым, настраивая в дальнейшем на улучшение / ухудшение их самочувствия как следствие формирования психоэмоционального восприятия объектов действительности, например: *Какая ты дрянь, Лерка! – Настя схватила подругу за рукав и развернула к себе лицом. – Какая же ты дрянь, я до сих пор в это не верю! Ты же не такая была! – Ну, знаешь, – без запинки ответила Лера, – ты тоже не была убийцей, когда мы дружили* (Малышева 1999: 186).

Таким образом, в этой разновидности коммуникативного взаимодействия можно выделить три состояния открытости центров по отношению друг к другу – *гармонично открытые* (гармоничные), *чрезмерно открытые* и *закрытые* (Менегетти 2002). Так, по мнению Антонио Менегетти, обобщённый вид взаимодействия таких центров в человеке может служить основанием для построения типологии личности. Одинаковая направленность открытия этих энергетических центров является условием хорошего взаимопонимания. По мнению исследователей, это экзистенциальный уровень эволюции сознания, утверждающий идею биологической ценности жизни, когда язык используется в качестве инструмента в социальном взаимодействии. В этом плане язык используется коммуникантами как инструмент познания и рефлексии. Из сказанного вытекает, что уровень понимания может определяться близостью типов личности с точки зрения открытости и активности соответствующих энергетических центров. Нельзя не

привести в этой связи тонкое замечание Александра Лоуэна: «Живые организмы от неживой природы отличает тот факт, что в организмах этот процесс происходит внутри мембраны, благодаря чему произведённая энергия не теряется в окружающую среду, а используется организмом для выполнения своих жизненных функций. <...> Процесс построения связи с внешним миром является энергетическим процессом» (Лоуэн 2003: 13).

Следовательно, коммуникативное взаимодействие не сводится только к внешним обменам сигналами, а понимание другого не приравнивается только к пониманию его дискурса, так как, по мнению Т. ван Дейка (1989), человек всегда делает больше, чем он думает, что делает, когда порождает дискурсы и все вербально-авербальные комплексы в процессе «регулятивной (диалогоорганизующей, диалогонаправляющей, диалогоординирующей) деятельности» (Романов 1988). Ср.: *Я сочувствую вам. Очень, – сказала она, **пожимая** холодную **руку** Тараса Шульговского, который промок до нитки. Дождь по-прежнему буйствовал, но Тарас всё равно побегал вместе с ней к подъезду. – Иначе я буду волноваться, – объяснил он (Донцова).* Сказанное означает, что имплицитная структура коммуникации может сводиться к унисону (взаимной настроенности) или диссонансу (отсутствию таковой). При этом наблюдается следующая закономерность: чем более высокий уровень эволюции сознания коммуниканта, тем в большей степени он способен производить подстройку к другому. Иначе говоря, он способен к более глубокому пониманию другого. Другая сфера скрытой (имплицитной) коммуникации касается механизмов взаимодействия сознательного и бессознательного, особенно это характерно для интерактивных процессов в массовой коммуникации и социальном общении, например: *Я тебе, в гроб твою, посамовольничая! Я вот вызову зараз свой полк из-под Каргинской, так аж чёрт вас тут возьмет! Григорий вдруг схватил Кудинова за сыромятный кавказский **поясок**, **шатая**, **раскачивая**, с холодным бешенством зашептал: – Хочешь зараз же открою фронт? Хочешь зараз вон из тебя душу выпущу? Ух, ты!.. – Григорий скрипнул зубами, отпустил тихо улыбавшегося Кудинова. – Чему скалишься? Кудинов поправил пояс, **взял** Григория **под руку**: – Пойдём ко мне (Шолохов).*

Как отмечает Е. В. Улыбина, «специфика массового, общественного, группового сознания, в том числе, заключается в про-

явлении наиболее глубоких, древних и общих для всех качеств... близости общественного и мифологического сознания с бессознательным» (Улыбина 2001: 13-15). К особенностям языка бессознательного причисляют невозможность разделять содержание и средства выражения содержания; низкий уровень обобщения, невозможность использовать и выражать абстрактные понятия; отсутствие линейного времени при наличии циклического; отсутствие отрицаний и терпимость к алогизмам. Кстати говоря, проявление обыденного сознания в коммуникации связано с действием механизма проекций, описанного З. Фрейдом, когда наблюдается сильное сопротивление в отношении принятия собственной тени. Человек сопротивляется собственной тени, тем аспектам, которые ему не нравятся, и потому проецирует их. Поэтому внешняя информация в коммуникации должна расшифровываться, то есть, имплицитная информация исходной теневой формы может быть обнаружена путем перевода внешних симптомов в исходную формулу. Вероятно, такое расхождение между двумя информациями, между «маской» и «тенью», то есть, сознательным и бессознательным является причиной потери психической энергии, а, следовательно, ведет к ухудшению самочувствия коммуникантов и интралингвального аспекта (связанного с культурой речи, стилистикой, риторикой, а также нарушениями правильности, ясности, логичности, выразительности речи) коммуникации, например: *Хорунжий вывернул кровью дурной налитые глаза, подскочил к старому постовалу, звонко **хлестнул** его **по щеке**. – **Руби** его, **Шустров!**.. Я отвечаю!.. Да бей же, в закон твою мать!* (Шолохов).

Быть может, по этой причине, участники диалогической интеракции не всегда придерживаются в ходе реализации своих коммуникативных целей и намерений принципов вежливости и тактичности (такта и «внесловесного трения», в понимании В. Н. Волошинова, см.: 1993; 2010), а лишь реализуют эмотивную (экспрессивную) функцию языка, которая связана с адресантом и имеет своей целью «прямое выражение отношения говорящего к тому, о чём он говорит. Она связана со стремлением произвести впечатление наличия определенных эмоций, подлинных или притворных; поэтому термин «эмотивная» (функция), который ввёл и отстаивал А. Марти, представляется более удачным, чем «эмоциональная» (Якобсон 1975: 198; также: Улыбина 2001).

Как известно, в языке одно и то же содержание даже интонационно или с помощью диалогических средств невербального порядка можно оформить так, чтобы было понятно наше **одобрение, осуждение, согласие** и т. д., например: *Лезь сюда, я помогу. Я неловко уселась на подоконник и принялась сползать вперед ногами, Шальнов **подхватил** меня **на руки** и через секунду **прижал** к себе, хотя мог бы обойтись и без этого. – Ты что делаешь? – прошипела я. – Что? – удивился он, все еще **не выпуская** меня **из рук**, более того, **сжимал в объятиях** с увеличивающимся рвением. – Не прикидывайся. Между прочим, ты муж моей сестры* (Полякова).

Очевидно, что в рамках подобного диалогического взаимодействия и формулируется «нормативная» база коммуникативного поведения говорящего субъекта, охватывающая общекультурные, групповые, ситуативные и индивидуальные нормы. Также очевидно, что общекультурные нормы коммуникативного поведения характерны для всей лингвокультурной общности социума и в значительной степени отражают принятые правила этикета и нормативного вежливого общения. Ситуативные нормы обнаруживаются в случаях, когда общение определяется конкретной экстралингвистической ситуацией. Индивидуальные нормы коммуникативного поведения отражают индивидуальную культуру и коммуникативный опыт индивида и представляют собой личностное преломление общекультурных и ситуативных коммуникативных норм в языковой личности.

Парадигма коммуникативного поведения также включает в себя социально и коммуникативно значимое бытовое поведение, определяемое как совокупность предметно-бытовых действий людей, получающих в данном обществе, в данной лингвокультурной общности смысловую интерпретацию и тем самым включающихся в общий коммуникативный процесс и влияющих на поведение и общение людей. Одним словом, бытовое поведение рассматривается как своеобразный «язык повседневного поведения» (Волошинов 2010). В основе коммуникативного поведения лежит обыденная реальная дискурсивная практика или «жизненное высказывание», по В. Н. Волошинову (2010: 189), включённая в коммуникативный процесс как «форму жизненного общения» (Там же: 190). Поэтому коммуникативное поведение можно рассматривать как следствие и реализацию совокупности социальной, пси-

хической, когнитивной, языковой и эмоциональной компетенций языковой личности в конкретных формах жизненного общения (вербального и невербального прядка), например: *Так было: июль знойный, на межах желтопенная ромашка, покос хлебов, Игнашке Бодягину – четырнадцать лет. Косил с отцом и работником. Ударил отец работника за то, что сломал зубец у вил; подошёл Игнат к отцу вплотную, сказал, не разжимая зубов: – Сволочь ты, батя... – Я?! – Ты... Ударом кулака сшиб с ног Изната, испорол до крови чересседельной. Вечером, когда вернулись с поля домой, вырезал отец в саду вишнёвый костыль, обстрогал, – бороду поглаживая, сунул его Игнату в руки: – Поди, сынок, походи по миру, а ума-разума наберёшься – назад вертайся, - и ухмыльнулся. Так было (Шолохов).*

Любопытно, что в лингвистике выделено большое количество параметров языковой личности, детерминирующих её коммуникативное поведение. Нередко они объединяются под общим понятием «языковой паспорт». В объём этого понятия включают видородовые признаки («паспортные данные») говорящей личности, такие как пол, возраст, национальность, социальный, ролевой статус, образование, профессия и др. И хотя их связь с экстралингвистической природой языковой личности налицо, они (как «паспорт») играют существенную роль в общении, так как, в первую очередь, через речевую специфику (интонацию, манеру, лексический запас и т. д.) презентуют говорящего субъекта собеседникам по коммуникативному процессу и, тем самым, накладывают отпечаток на уровень отношений между коммуникантами и манеру их речевого поведения, и, что немаловажно, оказывают существенное влияние на языковую, эмотивную, коммуникативную компетенцию каждого из собеседников в целом, а значит, влияют на саму структуру личности говорящего субъекта, которая, по мнению Ю. Н. Караулова (1987: 71), «строится по пересекающимся осям: виды речевой деятельности, уровни языка и степень владения соответствующим компонентом данного уровня», например: *Ты где бываешь ночью, гадёныш? Молчит Алёшка. Банка с маслом косилочным в пальцах у него подрагивает. – Где бываешь, говори?! – В клубе..., – А-а-а... в клубе? А этого ты не пробовал, так твою мать?! Кулак у хозяина весь жёлтой щетиной порос и тяжёл, как гиря. Стукнул Алёшку по затылку, а у того и ноги подвернулись, упал грудью на косилочные крылья, из*

глаз, словно просяная рушка, искры посыпались. – Малость отвыкнешь шляться!.. А нет, так убирайся со двора к чёртовой матери, чтоб и духом твоим не воняло тут! (Шолохов).

Иначе говоря, *эмотивная / эмоциональная компетенция* говорящего субъекта как когнитивного агента выступает как один из основных параметров, определяющих прагматику его коммуникативного поведения в условиях дискомфортного использования эмотивных вербальных и тактильных стимулов, где «одновременное включение в коммуникацию экстралингвистических средств» в виде тактильных действий раскрывает соотношение элементов комплексного эмотивного семиозиса в процессе коммуникативного обмена и в наибольшей степени отражает специфику характера интерактивного общения, а это означает, что культурная природа эмоциональных реакций» заслуживает особого внимания, потому что она опирается на идею эмоциологии как нормативной системы эмоциональных представлений, существующих в определённой культуре, с которой индивидуальное эмоциональное поведение так или иначе соотносится. Коль скоро человек живёт в рамках такой эмоциологической системы, включающей в себя нормы, принципы, правила, эталоны и т. д., то его поведение в процессе реализации жизненных сценариев обуславливается эмоциологическим кодексом, отражающим механизмы предписания трансляций ощущений и чувств в формы поведения, в том числе, и языкового поведения. Таким образом, в человеке коммуникативном есть очень сильное и укоренённое самоощущение, с которым человек живёт, но, в то же время он находится в противоречии с очевидными фактами. К таким очевидным фактам следует, в первую очередь, отнести положение (установку), что *эмоция* – феномен в высшей степени предсказуемый, так как именно она влияет не только на поведение языковой личности в её вербальных и невербальных аспектах, но и на её формирование под воздействием окружающей среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурдые, П. Структуры, Habitus, Практики // Современная социальная теория: Бурдые, Гидденс, Хабермас. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995. – С. 16 – 39.
2. Вацлавик, П. Психология межличностных коммуникаций / П. Вацлавик, Д. Бивин, Д. Джексон. – СПб.: «Речь», 2000. – 300 с.

3. Волошинов, В. Н. Фрейдизм. Критический очерк. – М.-Л: ГИЗ, 1927 // Перепечатано и цитируется по: Волошинов, В. Н. (М. М. Бахтин). Фрейдизм / Комментарии В. Махлина. – М.: Лабиринт, 1993. – 120 с.
4. Волошинов, В. Н. Отчет о работе в ИЛяЗВе аспиранта В. Н. Волошинова за 1927-1928 гг. // Valentin Nikolaevič Vološinov. *Marxisme et Philosophie du Langage / Éditorial bilingue traduite du russe par Patrick Sériot et Inna Tulkowski-Ageeva.* – Limoges: Lambert-Lucas, 2010. – Рр. 478-517.
5. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – 310 с.
6. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. – 263 с.
7. Капра, Ф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем. – Киев: София, 2003. – 336 с.
8. Лоуэн, А. Депрессия и тело. М.: Эксмо-Пресс, 2003. – 133 с.
9. Луман, Н. Медиа коммуникации. Пер. с нем. – М.: Логос, 2005. – 280 с.
10. Косилова, Е.В. От суггестии к сознанию // Вопросы философии. – 2012, № 3. – С. 15-26.
11. Малышева, Е. В. Тактильная коммуникация в диалоге: Вербально-кинестетический аспект / Е. В. Малышева, А. А. Романов. – Saarbrücken: Palmarium Academic Publshing, 2012. – 170 S.
12. Менегетти, А. Учебник по мелодистике. – М.: ННБФ «Онтопсихология», 2002. – 180 с.
13. Пелици, Ф. Критический дискурс: пять типов диалога // Риторика. – 1996, № 1 (3). – С. 85-94.
14. Петренко, В. Ф. Базовые метафоры как геном (зародыш) будущей теории (на материале психологической науки) // Вопросы философии. – 2012, № 4. – С. 97-98.
15. Поршневу, Б. Ф. Антропогенетические аспекты высшей нервной деятельности и психологии // Вопросы психологии. – 1968, № 5. – С. 25-40.
16. Поршневу, Б. Ф. О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии. – М.: Наука, 1974. – 487 с.
17. Романов, А. А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988. – 183 с.

18. Романов, А. А. Прагматика кинестетического семиозиса / А. А. Романов, Е. В. Малышева // Материали за VII Международна научна практична конференция «Найновите постижения на Европейската наука – 2011» 17 – 25-ти юни 2011. Том 22. Филологични науки. – София: «БялГрад-БГ» ООД, 2011. – С. 77 - 80.

19. Романов, А. А. Притяжение перформатива. Очерки по теории перформативности от Дж. Л. Остина до наших дней / А. А. Романов, Л. А. Романова. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2009. – 156 с.

20. Романов, А. А. Дискурс как иерархия целевых программ изменения суггестором личностных установок реципиентов (Опыт психотерапевтической коммуникации)/ А. А. Романов, Л. А. Романова, Н. Ю. Воеводкин // Динамический дискурс в познавательном и педагогическом процессах. – Липецк: ЛГПИ, 1999а. – С. 39-49.

21. Романов, А. А. Управленческая риторика / А. А. Романов, А. А. Ходырев. – М.: Лилия, 2001. – 216 с.

22. Романов, А. А. Языковая суггестия в предвыборной коммуникации / А. А. Романов, И. Ю. Черепанова. – Тверь: Герс, 1998. – 205 с.

23. Романов, А. А. Суггестивный дискурс в библиотерапии / А. А. Романов, И. Ю. Черепанова. – М.: Лилия ЛТД, 1999б. – 128 с.

24. Романова, Л. А. Композитные перформативы в функциональной парадигме языка: Семантический и прагматический аспекты. Автореф. дисс. ... докт. филол. н. – Великий Новгород: НовГУ, 2010. – 47 с.

25. Тен, В. В. Археология человека. Происхождение тела, разума, языка. – СПб.: Атомпроф, 2011. – 720 с.

26. Улыбина, Е. В. Психология обыденного сознания. – М.: Смысл, 2001. – 263 с.

27. Якобсон, Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». Сб. статей. – М.: Прогресс, 1975. – С. 193-230.

28. Traindl, A. Neuromarketing. Die innovative Visualisierung von Emotionen. – Amstetten; Wien: Trauner Verlag, 2007. – 115 S.

Алексей Аркадьевич Романов
Национально-исследовательский Томский
политехнический университет
Российская Федерация
romanov_tgsha@mail.ru

Alexey A. Romanov
National Research Tomsk Polytechnical
University
Russian Federation
phone: +7 (4822) 53 12 36

Екатерина Валерьевна Малышева
Тверская государственная сельскохозяй-
ственная академия
ул. Василевского, д.7, пос. Сахарово, Тверь
Российская Федерация
foreign@tvcom.ru

Ekaterina V. Malysheva
Tver State Agricultural Academy
ul.Vasilevskogo, 7, Sakharovo, Tver
Russian Federation
phone: + 7 (4822) 53 12 36